

Алексей Просвет

г. Энгельс

Крёстная

Повесть

*(Окончание. Начало в № 9–10/2016,
№ 7–10/2017)*

Первым нарушил тишину дед Николай, тяжело вздохнув:

– Ну что, Тосенька, вот и уехали наши девчата. Пошли в дом.

– Подожди, Коль. Давай ещё постоим. Чувствуешь, воздух какой чистый? Крестницы, наверное, уже до моста доехали. Теперь когда ещё приедут...

Антонина в этот момент всё ещё ощущала присутствие крестниц и хотела напоследок им насладиться.

– Ладно, пошли на крыльцо, – сказала она после недолгой паузы. – Не знаю, как Нина, а Люда теперь нескоро приедет.

– Да уж, – вздохнул Николай.

– И крёстной она меня не называет, как Нина. Всё «тётя Тоня» да «тётя Тоня».

– Да уж.

– Ты-то, Коль, что сам заладил: «Да уж, да уж»... Другое что-нибудь сказать можешь?

– Да о Елене я всё думаю. И кто бы мог подумать, что она под старость и старости

рада не будет. Как вспомню, какая была она раньше и как живёт сейчас, так ком к горлу подкатывает, обида сердце разрывает. Я ведь тоже всё слышал.

– Да уж... – ответила Антонина.

Тут они молча переглянулись между собой, а затем, отмахнувшись, отвернулись друг от друга. Долго так сидели и думали каждый о своём.

Антонина вспоминала те годы, когда они, молодые, собирались в праздники. Лёнька, Елена, Николай и она. А потом словно тяжким грузом на неё стали наваливаться серые мысли и суровая действительность.

«Ну ведь не об этом мы мечтали, не так всё представляли. А Лена? Как же так? Разве могло с ней такое случиться? Так не лучше ли её забрать к себе? Чтоб она прожила остаток жизни в спокойствии», – обида говорила в Антонине, отчаяние съедало её. И горечь, горькая горечь за Елену, Лёньку и крестниц. Как же ей хотелось вернуться в то время, где всё по-другому, где они молодые и крестницы – ещё девчонки – с реки домой бегут. Остановить бы это время, чтоб никогда оно не кончилось. Захотелось к мамке Прасковье. Всё ей рассказать, посидеть с ней, посоветоваться.

– Что-то сердце у меня разболелось, – обратилась она к Николаю. – Сходи, Коль, накапай мне капель.

– Сейчас, Тось, – и дед Николай пошёл в дом.

Он достал аптечку, накапал лекарства в стакан с водой. «Пахучее какое, – подумал Николай, – теперь до ночи не выветрится». Он снял с головы кепку и попытался разогнать запах, заполнивший кухню.

«А, бесполезно», – махнул дед рукой и поспешил к Антонине.

– Вот, Тось, выпей, – Николай подал стакан с водой. Антонина стала пить, а с кухни было слышно, как по радио пропиликало восемнадцать часов.

– Шесть часов, – вздохнул дед Николай.

– Шесть, – повторила Антонина отрешённо. А мысли всё не покидали её и наваливались всё больше и больше.

– Ну что, Тось, полегчало?

– Ой, Коленька, что-то никак не отпустит. Видно, сильно прихватило. Ты ступай, я тут посижу.

– Посиди, Тось, посиди. Оно и действительно скоро отпустит. А я пойду чайку поставлю.

Дед Николай зашёл в дом. Заварив чай, он вышел на крыльцо позвать Антонину:

– Тось, всё готово, пошли пить чай.

Увидев, что она сидит на лавочке, приклонившись спиной к стене дома, и держится за сердце, дед Николай, спускаясь к ней, с тревогой в голосе спросил:

– Что, Тосенька, неужто так плохо?

– Ой, плохо, Коленька, шибко мне плохо.

– Так, может, врача?

– Надо, Коля. Вызывай.

– Я сейчас... я быстро... я эт... к Фёдору.

У него телефон ближе всех. Я мигом, Тось. Я сейчас вернусь. Обожди. – От волнения у деда Николая путались слова и мысли. Он, хромя, быстрым шагом, почти бегом, вышел со двора и направился к дому деда Фёдора.

Вернулся дед Николай через десять минут, следом за ним поспешили и дед Фёдор с баб Надей.

– Тось, я здесь. Вернулся. Тут я уже, тут. И доктора вызвал. Сейчас будут, сказали, – волнуясь, говорил дед Николай. – Может, воды? А хочешь, подушку вынесу? Давай, помягче будет.

– Не надо, Коля, я так подожду, – слабым голосом ответила Антонина.

Дед Фёдор вышел на улицу встречать скорую помощь, а дед Николай и баба Надя были около Антонины, не зная, чем помочь.

Наконец-то приехали врачи, хоть и с большой задержкой. Измерили давление, поставили первоначальный диагноз и стали готовить Антонину к госпитализации. Врачи скорой помощи попросили для этого собрать вещи первой необходимости и документы.

– А какие вещи нужны? – спросил дед Николай.

– Кружку, ложку, халат, тапочки, полотенце, остальное привезёте позже по мере надобности, – ответил один из врачей. А

как были собраны необходимые вещи, Антонину на скорой увезли в больницу.

Деда Николая медработники сначала отговаривали ехать, а потом и вовсе не разрешили, сославшись на то, что пока пациентку оформят, время будет позднее. Ночевать ему будет негде, а завтра уже он сможет навестить Антонину, и сообщили, куда её госпитализируют.

Проводив скорую помощь, дед Николай встал у калитки.

– Не переживай, – обратился к нему дед Фёдор. – Антонина обязательно поправится.

– Ты, Коленька, если что нужно, скажи, – добавила баба Надя. – Ежели продуктов каких или ещё чего, так мы поможем.

– Спасибо вам, – отвечал дед Николай, – ступайте домой. А то и так хлопот вам доставили. Я дальше сам.

– Ну, помогай тебе Бог, – сказала баба Надя. – Мы к тебе утром ещё зайдём, проводим до Тоси.

Вернувшись в дом, дед Николай прошёл на кухню и налил себе чая. Присел на табурет, но к чаю так и не притронулся. Сидел, думал, вдыхал запах лекарств, который к тому времени не успел выветриться, да к тому же пахло другими, которые привезли с собой врачи.

Стемнело. За окном залаял и тут же замолк пёс Цыган.

На кухне тусклым светом горела лампочка, а дед Николай всё так же сидел и слушал, как идут ходики на стене. Ну вот, остановились и они. Повернувшись, он посмотрел на них. Затем встал и подошёл, подтянул гирьки. Стрелки показывали час тридцать восемь ночи. Слегка качнув маятник, он вновь запустил механизм. Затем дед Николай огляделся по сторонам, остановив свой взгляд на иконах Казанской Божьей Матери, Вседержителя и Николая Чудотворца. Поискав на кухне спички, он зажёл лампадку пред ликами святых. Встал на колени и нерешительно перекрестился. В этот момент его словно прорвало, всё, что накопилось в его душе, выходило в молитве и горьких слезах. Он плакал почти беззвучно, содрогаясь всем телом. Последний раз

он плакал от счастья, когда Тося встречала его на перроне из госпиталя, и вот теперь, когда проводил Антонину в больницу.

– Господи Всемилостивый, прости меня грешного, потому что не знаю, как молиться, – шло из души деда Николая. – Вот я, Господи, стою перед тобой, как есть стою. Никогда я тебе не молился, даже не верил в тебя и ни о чём не просил никогда. А сейчас прошу. Помоги мне. Даже не мне, а Тосе. Оставь её мне... не забирай мою Тосеньку. Успеется ещё, не наказывай меня за мои грехи так. Возьми мою жизнь, только Тосенькину оставь. Она ведь и с Леночкой повидаться не успела. Или неужто время её на земле вышло? Тогда и мою заberi, зачем она мне без неё? Как я без неё? Ничего я не боялся в жизни, а сейчас боюсь. Страшно мне, Господи, потерять её. Услышь меня, не оставь в беде... И ты, Богородица, Матерь Божья, не оставь. Тося, она же тебе каждый день молилась. Неужели чем прогневала? Так прости, если что не так. Не со злого умысла, жили, как умели. Каюсь. Всё было, не без греха мы... И ты, Николай Чудотворец, помоги, не оставь. Сотвори чудо. Сколько раз Тося просила у тебя за меня, а теперь я у тебя прошу за неё. Возьмите мою жизнь, только оставьте жить Тосю. – Слёзы, старческие слёзы сжимали горло, и вместе с тем плакал дед Николай как ребёнок, всхлипывая и прося, чтоб не забирали они его Тосеньку. Просил он, долго просил, так и уснул обессиленный, стоя на коленях перед иконами.

Утром он собрался и поехал в больницу.

Через три дня после того, как крестница Нина приехала от Антонины, ночью ей приснился сон. Будто её отец Алексей и муж Михаил, продав весь мёд, возвратились в дом, тот, что в деревне. Оба нарядно и богато одетые и по возрасту словно ровесники, а дверь им открыла крестная.

– Здравствуй, Тось, – поздоровался брат Алексей.

– Здравствуй, баб Тонь, – сказал Михаил.

А лет ей в том сне около тридцати, на что Нина удивилась, почему её муж назвал

крёстную баб Тоней, когда та моложе его.

– Ой, здравствуйте мои родные, – обрадовалась крёстная.

– Тося, мы к мамке собираемся, – продолжил брат Алексей. – Хочешь с нами?

– Конечно хочу, только вот дела доделаю и поедем.

– А ты не суетись, у тебя же помощница есть.

– Как же это? Людочка-то в городе, ей некогда. А Нина и со своими проблемами не справляется.

– Справится, Тось, мы её предупредили, она сегодня приедет.

– Да, баб Тонь, – добавил Михаил, – Никулька у меня справная, так что можем спокойно ехать.

– Знаю, Мишенька, – ответила Тося.

И, выйдя из дома в новом платье, что привезла ей Нина, они сели в телегу и поехали в Алексеевку к мамке Прасковье.

Проснувшись утром и вспомнив про сон, что рассказывала Антонина в деревне, Нина почувствовала на душе тревогу. Позвонив с утра старшему сыну, она спросила, чем он занят и сможет ли приехать к ней. Оказалось, что ночью он вернулся с рейса по области и следующие два дня будет свободен. Тогда Нина предложила вернуться в деревню. Уже через час старший сын заехал за ней, и помчались жигули по трассе к выезду из города. Туда, куда звало сердце.

Подъехав к дому крёстной, Нина прошла во двор, где никого не увидела. Лишь пёс Цыган, сидевший на цепи, изредка подавал голос. Она поднялась на крыльцо и позвала Антонину и деда Николая, но ей никто не отозвался. Совсем стало нехорошо на душе у Нины после того, как она случайно толкнула дверь в дом, и та открылась. Она зашла внутрь и увидела сидевшего за столом на кухне деда Николая.

– Здравствуй, дядь Коль, я приехала, – сказала она, пройдя на кухню. – А где крёстная?

А дед Николай, словно не услышал её.

– Дядь Коль, что с крёстной? – уже с тревогой, едва сдерживая слёзы, спросила она снова.

Дед Николай повернулся.

– Нина приехала, – словно вспоминая нужные слова, заговорил дед Николай. – А тут, Ниночка, такое дело... – и снова возникла пауза.

– Да что случилось? Где крёстная?

– Нету её. Нет больше Тосеньки. Всё.

– Когда? – не сдержав слёз, спросила Нина.

– Сегодня утром. Только что вернулся из больницы. В пять утра её не стало.

– Что с ней было?

– Сердце. В тот вечер, когда вас проводили, тогда её увезли. Два дня худо ей было. Вчера вечером вроде получше. Думал, на поправку пошла, и разговаривать со мной стала, даже улыбаться начала. А утром неожиданно её не стало. У меня на руках. Легко ушла, безболезненно, словно уснула. Я сначала даже и не понял. Как вставала моё солнышко рано утром, так и ушла. Я-то всегда думал, что сам первым уйду. А тут вот видишь, как Бог распорядился, – тяжело вздохнул дед. – А ты-то как здесь оказалась? – опомнившись, спросил он Нину. – Ведь только третьего дня как уехали, даже не скоро и ожидали. Думал на почту идти, вам сообщить, да адрес ваш не знаю. Тося раньше вам писала, но то было раньше, сейчас вы по другим адресам, и спросить тогда забыли что-то. Люде сообщать только пришлось бы, а она уж тебе бы как-нибудь... Ты, наверное, забыла что-то, раз вернулась?

– Нет, дядь Коля. Папка наш крёстной обещал, что я всё сделаю. Вот и приехала.

– Не понял?

– Долго объяснять, после расскажу, главное, я приехала. А ты крепись, дядь Коль, мы всё сделаем.

Началась подготовка к похоронам. Нина осталась в деревне, а старшего сына послала в город. На беду откликнулось много людей, помогали, кто чем мог. Пастух Петька и выпивоха Сергей вызвались копать могилу. Также Сергей послал свою Катерину помогать Нине. Баба Шура и баба Надя готовили Антонину, обмывали и одевали. Людмила прислала с предприятия бортовой ЗИЛ, но на похороны не приехала, посетовав на

нехватку времени. Дед Николай снял со сберкнижки деньги, но всё равно пришлось добавлять. Нехотя принял деньги со стороны крестниц, хотя сам даже думал продать кур – отговорили.

В день похорон позвали батюшку отпевать Антонину. Провожать людей пришло немного. В основном родня, соседи да старики. Когда выносили гроб, приехал старший сын Валентин с женой и привёз мать Нины, Елену. Процессия по обычаю ненадолго остановилась во дворе, Елену подвели к Антонине попрощаться. Поначалу Елена просто стояла у гроба, словно не узнавала Антонину, глядела на неё молча. А потом, утерев слёзы, поцеловала Антонину в лоб.

– Вот и свиделись вы, Тосенька, – прошептал дед Николай и подошёл к Елене, обняв её.

До окончания похорон они не отходили друг от друга. Пробыла Елена в доме до следующих поминок на девять дней. Как ни странно, но приступов эпилепсии у неё за это время не случилось. А после Елену увезли в город, где она ещё неделю гостила у Валентина и Веры. Нина осталась в деревне до сорока дней.

Когда справляли девять дней, пришли близкие и все дети Нины и даже Людмилы.

На сорок – только Нина, дед Фёдор, Матвей и баба Шура. Баба Надя не смогла, подвело здоровье.

После похорон Антонины дед Николай изменился, осунулся, стал молчаливым и менее подвижным. Через полгода и здоровьем стал сдавать, приезжала к нему Людмила, предлагала отвезти на лечение – отказался.

Примерно через год после похорон Антонины к Нине домой приехала Людмила и сообщила о том, что здоровье деда Николая совсем ухудшилось и что она договорилась через своих знакомых устроить его на лечение, где за ним будет постоянный уход.

– Ну если так, то, конечно, хорошо, – согласилась Нина.

– А дом как делить будем? – спросила Людмила.

– Какой?

– Тёти Тони, она же его на нас с тобой записала.

– Подожди Люд, я что-то не пойму. Зачем и для чего делить? Там же дядя Коля.

– Он сегодня уже на лечении оформлен, я же тебе говорю, договорилась.

– Подожди, – стала догадываться Нина, – так значит, вот зачем ты приехала. Дом крёстной делить?.. А дядь Колю ты, что ж это получается, оформила в дом престарелых? Боже мой, какая же ты, Люда, всё-таки...

– Нина, так будет лучше, там за ним уход будет. У тебя проблем и так хватает, а у меня мамка живёт, так что не потянем мы уход за дядь Колей. И что греха таить, ему осталось совсем немного, а там он с должным уходом проживёт подольше. А потом что? Следить за домом будет некому, ездить далеко, неудобно. Жить из вас там тоже никто не будет. В общем, я наняла риелтора, он нашёл покупателя. Дорого, конечно, продать не получится, потому что от города далеко, удобства на улице. Да и место недорогое.

– Дорогое, Люда.

– Да выкинь ты из головы свои предрассудки, тебе самой жизнь устраивать надо. У тебя долгов по горло. А дом этот всё равно сгниёт.

– В общем, ты просто приехала поставить меня перед фактом, а не советоваться. Всё равно уже всё решила. Бог тебе судья, Люда, пусть это останется на твоей совести. Попомнишь ещё мои слова. Аукнется тебе это. А теперь всё, иди, Люда, ты сделала, что хотела. Но знай, так как у меня есть по-

ловина в этом доме, я буду против продажи.

– Да ради бога, Нина, ты только мою половину мне возмести и можешь оставить его себе. Я могу потребовать разменять его, чтоб получить свою долю по закону. Дура ты, Нинка, так и будешь всю жизнь в нищете жить. Простофиля. А я тебе выгодный вариант предлагаю. Слушала бы меня, жила бы нормально, как все.

– Уходи, Люда! – прикрикнула Нина.

– Ненормальная ты, Нинка! – ответила Людмила, а потом добавила на выходе: – Деньги за дом привезу через неделю. – И ушла.

На следующий день Нина поехала навестить деда Николая. За время встречи он ничего не сказал, говорила только Нина. Лишь перед уходом он остановил её в дверях и спросил:

– Что же так, Ниночка, получилось-то? Выходит, обнищали мы?

– Нет, дядь Коль, не обнищали. Ты потерпи, дядь Коль, я заберу тебя и мамку. Обязательно. Я решила, и ребята мне помогут.

А хоронила Нина деда Николая уже через неделю, на те деньги, что привезла Людмила с продажи дома. Похоронили его рядом с Антониной.

Перебирая старые вещи, что были забраны перед продажей дома, Нина нашла письмо, которое писала Антонина, но так и не отправила, потому что не знала нового адреса Нины, а потом, видимо, оно так и затерялось по старческой памяти. В конце письма она прочла:

«Кресницы! Живите дружна, ни сорь- тись, раднитись. Ваша крёсна Тоня».

Перри Мейсон

Создатель: Эрл Стэнли Гарднер

Главный герой романов Гарднера – не детектив или полицейский, а судебный адвокат. При этом Перри Мейсон активно участвует в процессе расследования: собственноручно добывает улики, спешит попасть на место преступления раньше полиции, подчас даже скрывает на время вещественные доказательства. В отличие от своих европейских «литературных

Знаменитые вымышленные сыщики

коллег», уважаемых и невозмутимых интеллектуалов, Перри Мейсон не ограничивается выяснением обстоятельств дела и передачей преступника в руки правосудия. Исчерпывающее окончательное разрешение каждая криминальная задача находит в зале суда, ведь основной целью сыщика-адвоката остаётся защита невиновного клиента.